

ДАНИИЛ ПЛАХИН

Родился в Таре в 1986 году. Живёт в Омске.

Публиковался в коллективных сборниках и периодических изданиях различных городов России. Автор поэтических сборников «Стихи из школьной тетради» (Тара, 2009), «Краткостий» (Тара, 2011), «Осколки» (Тара, 2012), «Сравнительные женоописания» (Омск, 2014), «Бродяга» (Омск, 2018).

Член Союза российских писателей.

ХМУРЫЙ

– Брюх, может, не надо? – просительно, хотя и безнадежно проскулил Генка.

– Ага, как бы чего не вышло, – хмыкнул самодовольный Брюх. – Не ной, будь мужиком. Ему всё равно скоро хана.

Шли медленно. Я вёл на цепи Хмурого. Пёс едва передвигал ослабшие лапы. Генка, волоча по земле штыковую лопату, то плёлся сзади, то, забегая вперёд, хныкал: «Может, не надо». Брюх шагал важно, время от времени поправляя сползавший с плеча ремешок одностволки. По всему было видно, что он горд возложенной на него обязанностью. Нет, пса ему, безусловно, было безмерно жаль. Не меньше, чем Генке и мне. Просто он сызмальства старался проявлять твёрдость Муция Сцеволы, тем более в присутствии младшего брата. (Классе в пятом историчка иногда в шутку называла его Сцеволой, когда прознала от девчонок о происхождении многочисленных шрамов на кисти его правой руки: мы одно время состязались в стойкости, поджигая на собственных руках скрученную сигаретную бумагу. Брюх был рекордсменом.) Лыстил же его самолюбию тот факт, что дед доверил ему ружьё. Раньше он давал нам пострелять только в своём присутствии. По консервным банкам.

– Сам подумай: Хмурый мучается. Ему уже не помочь. Можно только избавить его от страданий. Мы только лучше сделаем. Ему лет, знаешь, сколько?.. Старше меня. А мне уж в армию скоро.

– Через два года, – поправил Генка.

– Всё равно, – отмахнулся Брюх, – до хрена.

– Ну, лет двадцать. А они и тридцать, а иногда и сорок живут, – не унимался Генка, не гнушаясь наивной «ложью во спасение».

– Даже если только двадцать, в пересчёте на человеческий – ему лет сто, сто с лишним.

– Когда деду сто лет станет, мы его тоже застре... – Генка не успел закончить свою издевательскую фразу, ткнувшись носом в палую листву от звонкого подзатыльника, который Брюх отвесил ему, кажется, неожиданно даже для себя.

Пришли в заросли тальника за Аркаркой, где она впадает в Иртыш.

– Нагрел, блин, за пазухой, – проворчал Брюх, морщась и протягивая мне рюмку обратно.

– А где мне её было нести, – риторически заметил я, начисляя себе «четырнадцать капель».

Задымили «Беломором». Маленько погода, бахнули ещё по одной. Генка тёрся около Хмурого, временами осторожно поглаживая его. Пёс сидел безучастно, редко моргая почти невидящими глазами. Вряд ли он понимал цель нашей вылазки на лоно природы. Правда, нам с Брюхом показалось, что вид у него был виноватый: от старости и болезни бедолага сидел, понурился голову.

После третьей ещё покурили. Обоих ошутимо поволокло. Посидели молча. Брюх заметно робел.

– Давай ещё по одной – и приступим, – криво ухмыльнулся Брюх.

– Ни фиги. Стреляй уже. Остальное на помин хмуровой души, – вероятно, не менее криво ухмыльнувшись, сказал я, стараясь быть мужиком.

Брюх зарядил... Поднялись. Генка напрягся. Красными глазами посмотрел на нас.

– Может, не надо...

Потом резко отбежал шагов на пятьдесят, по-детски зажав уши ладошками,

растопырив при этом локти. Остановился, не оборачиваясь. Пёс сидел к нам левым паршивым боком, не обращая на нас внимания. Шагах в десяти. Когда Брюх прицелился, Хмурый равнодушно поднял с земли какую-то веточку. Я глянул на Брюха. Тот стрельнул...

И Брюх, и я оцепенели от воплей Хмурого... Оказалось, что выстрел напрочь снёс ему нижнюю челюсть. Я было крикнул: «Стреляй!» Но тут же вспомнил, как Брюхов дед выдал ему один-единственный патрон, строго-настрого наказав зарядить на месте. Не знаю, сколько длилась наша оторопь. Помню, как мы стоим, два шестнадцатилетних болвана, не зная, что предпринять. А одиннадцатилетний Генка, истошно крича что-то бессвязное, судорожно добывает пса лопатой...

В неполных двадцать Брюх вернулся из Чечни... с простреленной головой... Генка – ветврач. А я – сочинитель. Среднего пера.